

Легкое движение — и по телу разлилось странное онемение, словно руки стали чужими.

Она приподнялась, пытаясь сменить позу, чтобы улечься поудобнее. Взгляд упал на спящую Хуа Жолян: длинные ресницы чуть подрагивали, будто принцесса видела приятный сон, а уголки губ едва заметно приподнялись в безмятежной улыбке.

Гун Юньшу вспомнилось, как вчера, подогретая вином, она осмелилась поцеловать принцессу. На сердце стало стыдно, но она не могла отрицать своих тайных, запретных чувств. Глядя на беззащитную Хуа Жолян, Юньшу почувствовала, как внутри всё закипает: человеку свойственно тянуться к прекрасному и желать обладать им, и она не была исключением.

Словно одержимая, она набралась смелости и склонилась, чтобы коснуться поцелуем лба принцессы.

— Маршал Гун снова хочет проявить дерзость? — Разве может человек, выросший в глубине дворца, спать беспробудным сном? Сон принцессы был чутким, и она проснулась в тот самый момент, когда Юньшу приподнялась. Если спросить, почему она лежала не шелохнувшись, то ответ прост: она хотела проучить маршала за вчерашнюю дерзость, иначе это была бы не Хуа Жолян. Она открыла глаза и с полуулыбкой посмотрела на Юньшу.

— Нет, нет, Юньшу не смеет! — Осознав, что делает, Гун Юньшу испугалась собственной выходки. Она поспешно убрала руку с талии принцессы и спрятала её за спину, опустив голову, словно покорная жертва.

— Глупышка, — вздохнула Хуа Жолян, приложив ладонь ко лбу. Заметив краем глаза девственно чистую простыню, она добавила: — Глупышка, простыня...

— Я всё исправлю, — отозвалась Юньшу. Если на простыне не будет следов невинности, это бросит тень на репутацию принцессы. Новая династия чтит феодальные обычаи: хотя дворец и был полон грязи, а многие принцессы держали фаворитов, видимость приличий соблюдать было необходимо.

Гун Юньшу достала из вазы с фруктами маленький нож. Резать руку она не рискнула — слишком заметно, любой знающий человек сразу поймет подвох. Закатав рукав, она полоснула себя по предплечью.

Глядя на пятно крови на простыне, Хуа Жолян беспомощно заметила:

— Слишком много крови.

Это привело к неизбежному недоразумению. Когда нянюшка Лю убирала постель и увидела кровь, а потом посмотрела на изможденное лицо принцессы — а как тут не выглядеть изможденной, если всю ночь пришлось обниматься с ледяной глыбой? — она всё поняла по своему. К счастью, простудой принцесса не заболела. А вот маршал Гун выглядела цветущей — ещё бы, ведь всю ночь в её объятиях было нежное сокровище.

Нахмурившись, нянюшка позже отвела Юньшу в сторону и со всей серьезностью наставила:

— Принцесса слаба здоровьем, а вы, зять, человек военный. Вам следует быть с ней помягче и проявлять больше заботы.

— Да, я понимаю, — покраснев, пробормотала Юньшу, не зная, что ответить. Вдалеке Хуа Жолян, увидев это, удивленно подошла: — О чем это вы?

Увидев, что вторая сторона тоже подросла, нянюшка с видом знатока принялась наставлять их обоих в тонкостях супружеской жизни. Теперь краснеть пришлось им обоим. Бедняги, они еще ничего не успели сделать, а их уже пичкали подобными знаниями — обидно до слез.

Столица, древний город многих династий, была шумной и многолюдной. На оживленных рынках хватало мест для развлечений, и Сяосянгуань пользовалась особой популярностью, притягивая множество взглядов.

Кто бы мог заметить, что рядом с чайной неподалеку какой-то мужчина в грубой льняной одежде проскользнул через черный ход?

В чайных обычно собирался разный люд из цзянху. Внизу было слишком людно, поэтому мужчина, не привлекая внимания, поднялся на второй этаж.

В отдельном кабинете он встретился с ней. Даже в простой одежде она не могла скрыть своей чарующей красоты — неудивительно, что в столице её прозвали Лисьей феей, хотя она приехала совсем недавно.

Это была Тао Яояо, главная куртизанка Сяосянгуань.

— Ваше Высочество, вы только что вышли замуж, неужели нашли время навестить меня?

Три дня назад состоялась грандиозная и роскошная свадьба принцессы Хуа Жолян и Нефритового маршала Гун Юньшу. Весь мир знал, как сильно маршал любит свою принцессу — свадебный кортеж растянулся на десять ли.

Хуа Жолян не горела желанием видаться с Тао Яояо: кто знает, какие колкости та выкинет на этот раз? Но, к счастью, после того разговора в карете Тао Яояо стала сдержаннее. По крайней мере, теперь она была прилично одета.

Есть вещи, которые лучше делать самой, чтобы обрести покой.

— Как дела у Хуа Жоцзина? — Хуа Жолян подошла ближе и села напротив. Взглянула на заваренный чай, подняла чашку, вдохнула аромат и сделала глоток, ожидая ответа.

— Не стоит вашего беспокойства, всё идет по плану. — При упоминании врага, уничтожившего её род, кокетливая улыбка Тао Яояо исчезла, а в глазах мелькнула ярость. Последние дни Хуа Жоцзин часто заглядывал к ней в кабинет, слушал её игру на флейте и танцы, не позволяя себе ничего лишнего. Но за эти дни Тао Яояо научилась читать его взгляд: это был интерес, смешанный с похотью.

Ей же приходилось каждый день встречать этого врага с улыбкой.

Хуа Жолян понимала, через какое унижение и отвращение та проходит. Её собственный отец не раз использовал её как пешку... Видя, как потемнело лицо Тао Яояо, принцесса опустила чашку и, что было редкостью, попыталась утешить её:

— Потерпи. В будущем я обязательно дарю тебе свободу, очищу имя твоего рода и обеспечу богатством...

Тао Яояо слышала подобные красивые обещания бесчисленное количество раз. Но, услышав их из уст женщины, она неожиданно поверила на пару долей. Она горько усмехнулась сама себе: с каких пор она стала такой доверчивой? Она ведь всего лишь пешка в руках этой женщины. Она не верит Хуа Жолянью, ей нужна лишь власть принцессы, чтобы вырваться из Дома пьяных бессмертных.

Чтобы отомстить.

— Ха-ха-ха! — не сдержалась Тао Яояо. — Оставьте эти прекрасные обещания для своего мужа. Если вы действительно хотите сделать мне приятное, лучше дайте что-то осязаемое. Например, ту ночь любви, которую вы мне всё еще задолжали.

Игнорируя кокетливый взгляд, Хуа Жолянью лишь раздраженно усмехнулась. Она-то думала, что Тао Яояо станет хоть немного серьезнее.

— Мои отношения с мужем — не твоё дело, — голос принцессы стал холоднее. — Как слуга смеет говорить с госпожой в таком тоне? Если бы ты была хозяйкой, что бы ты сделала? — в её словах сквозила угроза.

— Пошла бы ей навстречу. Такая приятная вещь, как ночь любви — хозяйка бы не осталась в накладе.

Тао Яояо спокойно наблюдала за тем, как принцесса, едва сдерживая гнев, пытается сохранить своё достоинство. Ей стало смешно.

— Тао Яояо, не думай, что если ты мне полезна, то можешь терять берега!

— Как я смею, Ваше Высочество! — Тао Яояо внезапно вскочила и подалась к принцессе. Хуа Жолянью поспешно отпрянула — в этом мире действительно стоит опасаться бесстыдников. Она пожалела, что вообще открыла рот, пытаясь утешить эту девицу, и теперь сама оказалась в неловком положении.

Хотела уйти, хлопнув дверью, но подумала: она — принцесса, неужели её испугает какая-то куртизанка? Подавив эмоции, она нацепила на лицо безмятежную улыбку и, заметив замешательство Тао Яояо, стиснула зубы и сама подалась вперед.

Хуа Жолянью была невероятно красива, и Тао Яояо на мгновение потеряла дар речи, глядя на этот ослепительный лик.

— Ты хочешь... — принцессе было неловко произносить эти слова, — я дам тебе это прямо сейчас. — Она схватила Тао Яояо за плечи, собираясь прижать её к себе.

Тао Яояо, хоть и была куртизанкой, на самом деле ни с кем не была близка. Её первая ночь и так досталась Хуа Жолянью. Сейчас же, заигравшись с огнем, она в испуге отпрянула назад, наткнулась на стул и едва не упала — лишь рука Хуа Жолянью удержала её.

— Делай дело как следует, и я тебя не обижу, — Хуа Жолянью, увидев, как Тао Яояо испугалась, словно кролик, почувствовала прилив бодрости. Поняв, что время вышло, она поспешно удалилась.

В суматохе на пол упал золотой лист.

Тао Яояо подняла его, долго сжимала в руке, глядя на принцессу с противоречивыми

чувствами. Её мысли были в смятении.

Без приглашения принцессы зять не мог посещать её дворец. После того случая с нянюшкой Лю, брачная ночь стала последней встречей Гун Юньшу с принцессой.

Гун Юньшу не сидела сложа руки в особняке маршала, и вот к ней снова пожаловали гости.

Сын министра военных дел, лучший выпускник этого года, Гу Цзиньчжи. Он занимал должность советника четвертого ранга и выглядел как истинный молодой аристократ — цветущий и утонченный.

— Маршал, я Гу Цзиньчжи, — он отвесил поклон, но в его опущенных глазах читалось глубокое разочарование.

В юности ему посчастливилось увидеть принцессу Хуа Жолян, и он поклялся на ней жениться. Он грыз гранит науки, добился успеха, но его избранницу забрал какой-то грубиян. Как он мог смириться?

— Не знаю, зачем господин Гу пожаловал ко мне?

Гу Цзиньчжи внимательно оглядел внешность Юньшу и с удивлением обнаружил, что у неё лицо, подобное нефриту, и есть в ней некая утонченность, достойная звания Нефритового маршала. Как говорится, снаружи золото, внутри — гниль; пустая оболочка, а по сути — дикарь. Жаль такого красивого лица, подумал он.

— Я всегда восхищался маршалом и хотел бы поговорить о делах государственных. Не окажете ли честь?

Раз уж человек пришел прямо в особняк, Юньшу улыбнулась — ей было интересно, что задумал этот Гу Цзиньчжи.

— Раз господин Гу приглашает лично, как я могу отказаться?

Увидев, что Юньшу согласилась, Гу Цзиньчжи победно улыбнулся:

— Маршал, мои друзья тоже хотят увидеть вас и полюбоваться вашим величием...

Улыбка Юньшу не коснулась глаз — похоже, всё было подстроено заранее.

— Хорошо, господин Гу, ведите.

Гу Цзиньчжи привел её в известный ресторан, который выглядел изысканно и роскошно. Внутри всё было украшено с тонкой резьбой, и даже такая грубиянка, как Юньшу, не знающая толку в музыке, оценила звучание инструментов. По одежде посетителей было ясно — здесь собирается одна знать.

Эти люди смотрели на неё так, будто давно ждали.

Юньшу усмехнулась — это ловушка.

Пятеро мужчин, ждавших её, при виде маршала обменялись презрительными взглядами, а затем нацепили фальшивые улыбки.

— Маршал, какая встреча! Садитесь, сегодня мы обязаны выпить до дна!

Юньшу спокойно села.

Гу Цзиньчжи хлопнул в ладоши:

— Эй, подавай блюда!

Видя, что Юньшу всё еще расслаблена, он подумал: дикарь он и есть дикарь, упрямый баран. Неудивительно, что новая династия ценит литераторов выше военных — разве можно доверить управление страной тем, кто умеет только проливать кровь?

На стол поставили шесть блюд. Гу Цзиньчжи перешел к главному:

— Просто есть — скучно. Давайте сыграем в игру: назовем исторические события, связанные с этими блюдами, и тот, кто назовет, заберет блюдо себе.

Он был уверен, что маршал-недоучка не знает литературы, а даже если знает — он не даст ей рта открыть.

Едва он закончил, остальные пятеро, не обращая внимания на Юньшу, наперебой начали выкрикивать. Первый выхватил овощи:

— Чжугэ Лян выращивает овощи в Лунчжуне! — и с гордым видом придвинул их к себе, злобно косясь на Юньшу.

Юньшу лишь глотнула теплого вина, продолжая улыбаться.

Второй тут же подхватил:

— Гуань Юй продает тофу в Цзичжоу! — и с высокомерным видом забрал тофу.

Третий и четвертый выкрикнули:

— Су У пасет овец на Северном море! — и — Чжан Фэй покупает мясо! — бесцеремонно забрав баранину и свинину. Осталась лишь рыба. Сюй Ань с ухмылкой смотрел на Юньшу: посмотрим, как долго ты продержишься.

Решив, что победа за ними, он не спеша произнес:

— Цзян Шан рыбачит на реке Вэй! — и забрал последнюю рыбу. Шестеро мужчин не притронулись к еде, продолжая фальшиво улыбаться. Словно по команде, они хором обратились к Юньшу:

— Маршал, ваш черед!

Голос был достаточно громким, чтобы все знать вокруг обернулась. Это же зять, назначенный самим императором! Как можно пропустить такое зрелище?

Блюд не осталось, и их требование было явным издевательством. Гу Цзиньчжи увидел, что Юньшу встала, и решил, что она просто в ярости и хочет уйти. Как и ожидалось, обычный

дикарь.

Интриги литераторов — это и правда забавно. Интересно, когда это она успела насолить этому Гу Цзиньчжи, что он потратил столько сил на эту ловушку?

— Цинь Шихуанди объединяет шесть царств!

Сказав это, Юньшу забрала все блюда, к которым никто не притронулся, к своей стороне стола. Она взяла палочки и искренне похвалила:

— И правда, отличные блюда. Господа, угощайтесь!

Люди за соседними столиками не сдержали смеха.

Лица Гу Цзиньчжи и его компании позеленели от ярости.

Юньшу ела не спеша, но с явным аппетитом.

Она не сильна в литературе, но как маршал, ведущий войска, как она могла не знать историю о том, как Цинь Шихуанди объединил шесть царств?

Эта битва была выиграна красиво.

Поев, Юньшу встала и улыбнулась:

— Благодарю за угощение. Рыба действительно свежая и сочная, нежная и не жирная.

Она посмотрела прямо на организатора, Гу Цзиньчжи, чье лицо было темнее тучи — похоже, он проглотил свою же наживку. Не желая больше тратить время на этих ничтожных интриганов, она добавила:

— Господа, вы хотели поговорить о делах государственных, но, боюсь, у нас с вами разные взгляды. Прощайте.

Среди друзей и тысяча чарок — не предел, а с недругом и полслова — лишнее.

— Маршал Гун! — Гу Цзиньчжи в ярости вскочил. Он с юности был знаменит, стал лучшим на экзаменах, а проиграл какому-то грубияну.

Проиграл — значит проиграл.

На красивом лице Гу Цзиньчжи отразилась гордость литератора. Он налил себе вина и поднял чашу:

— Сегодня я был груб. Желаю вам и принцессе... вечной любви. — Последние слова он произнес с нажимом.

Он выпил вино залпом.

В бытность свою под началом прежнего маршала Цзян И, Юньшу насмотрелась на столичных чиновников, вечно плетущих интриги, от которых тошнило. Прямота Гу Цзиньчжи вызвала у неё каплю уважения, но в его словах сквозила горечь.

Похоже, тут снова замешана Хуа Жолянь.

— Мы будем любить друг друга вечно, господину Гу не стоит об этом напоминать.

Сначала принц Жунжань, теперь этот Гу Цзиньчжи — на душе у Юньшу стало неспокойно.

Ресторан был местом сбора знати, и этот спектакль не укрылся от глаз. «Цинь Шихуанди объединяет шесть царств» — это было достойно аплодисментов.

Вскоре весть дошла до императора. Вэнь-ди, читая доклады, в ярости ударил по столу.

Он назначил её маршалом, потому что она была простолюдинкой и не была связана с кланами. Кто же знал, что она так быстро завоюет любовь народа? Евнух Ли, посланный на север, доложил, что народ на севере знает лишь фамилию маршала — Гун, а не фамилию императора — Хуа.

Хороши амбиции Цинь Шихуанди, объединяющего шесть царств!

Когда весть дошла до принцессы, Хуа Жолянь невольно рассмеялась:

— Эта глупышка, ну как её не любить? Хунъюань, передай, пусть сегодня она придет во дворец.

Хунъюань, личный врач принцессы, понимающе кивнула, но не удержалась от предостережения:

— Ваше Высочество, вы слабы здоровьем, может быть...

— Довольно! — Хуа Жолянь знала, что та скажет, и прервала её. Она не хотела, чтобы та, подобно нянюшке Лю, ворчала целый час.

Заметив, что принцесса покраснела, Хунъюань, решив придерживаться тактики «меньше слов, больше дела», сдерживая улыбку, удалилась.

В тот же день Гун Юньшу была вызвана во дворец. Она шла с ожиданием, смешанным с тревогой и легким смущением.

— Ваше Высочество.

— Зять пришел? Садись. — Видя эту глупышку, она не могла не почувствовать облегчение.

Юньшу тайком спрятала в рукаве письмо, присланное Хуа Жоли, и с улыбкой произнесла:

Хуа Жолянь знала, что не сможет избежать борьбы за престол. Если ты втянут в игру, нельзя просто так выйти из неё. С Хуа Жохеном отношения были испорчены, а Хуа Жоцзин слишком коварен, чтобы с ним связываться. Только воцарение Хуа Жоли было для неё лучшим исходом.

Помимо места, где сидела Хуа Жолянь, оставалось еще три стула. Юньшу хотела сесть поближе к ней, но, вспомнив, что она — женщина, выбрала самый дальний стул и села напротив.

У неё было много возможностей признаться в том, что она женщина, но она не смела. И так всё было хорошо: быть мужем Хуа Жолянь, оберегать её от тех, кто жаждет обладать ею... Но в

глубине души она знала: она всего лишь женщина.

<http://bllate.org/book/19781/1949232>